

© 1993 г. АПРЕСЯН В.Ю., АПРЕСЯН Ю.Д.

МЕТАФОРА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭМОЦИЙ

1. ДВА ПОДХОДА К ОПИСАНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

До недавнего времени внутренний мир человека занимал психиатров, философов, поэтов, но мало интересовал лингвистов. Положение стало меняться с возникновением в 60-х годах современной лингвистической семантики, когда появились первые опыты лексикографического описания эмоциональной лексики [1—4]. С тех пор интерес к словам, обозначающим эмоции¹, непрерывно возрастал и в теоретическом, и в лексикографическом плане; упомянем такие работы, как [5—15]. Любопытные данные об эмоциях, которые могут представлять ценность и для лингвистики, содержатся в ряде современных психологических, физиологических, социологических и других исследований; см., например, [16—20]; обзор этих работ содержится в готовящейся к публикации статье В.Ю. Апресян "Approaches to the study of emotions". Хотелось бы надеяться, что и лингвистические результаты изучения эмоций будут небезынтересны для представителей других дисциплин. В языке закреплён опыт тысячелетий психологической и культурной интроспекции его носителей, данные которого по своей надёжности никак не уступают данным экспериментальных исследований.

Несколько схематизируя реальное положение вещей, можно сказать, что в лингвистике сложились два подхода к описанию эмоций, которые мы условно назовём смысловым и метафорическим. В рамках этих подходов по-разному решается главная трудность, с которой сталкивается исследователь при описании эмоциональной лексики. Как известно, сами эмоции недоступны прямому наблюдению. В этом отношении они подобны другим внутренним состояниям, например, ментальным. Однако в отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, эмоции очень непросто перевести в слова. Эта онтологическая трудность порождает трудность лингвистическую: слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно дать прямое лексикографическое истолкование.

Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, говорящий использует различные окольные пути, обращаясь при этом к тем знаниям, которые, по его предположению, уже имеются в опыте адресата. Наиболее употребительными, а может быть, и единственными возможными являются следующие два приема объяснения: либо говорящий указывает на известную адресату ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, либо он сравнивает это явление с похожим на него другим явлением, знакомым адресату. В сущности, именно эти принципы лежат в основе двух упомянутых нами лингвистических подходов к описанию эмоций.

1.1. Смысловой подход.

Этот подход был предложен в первых работах А. Вежбицкой и Л.Н. Иорданской, где эмоции описывались через прототипические ситуации, в которых они возникают. Приведем примеры (английские примеры А. Вежбицкой заменены соответствующими русскими).

¹ В дальнейшем вместо выражения "слова (лексемы), обозначающие эмоции", мы будем говорить просто "эмоции" во всех контекстах, где это не приводит к двусмысленности.

Х испытывает стыд = "Х чувствует то, что чувствует человек, когда он думает, что он сделал нечто плохое или смешное и когда он хочет, чтобы никто об этом не знал".

Х испытывает гордость = "Х чувствует то, что чувствует человек, когда он думает, что он сделал нечто большее, чем просто хорошее, и когда он хочет, чтобы другие люди об этом знали" [2, с. 63].

А огорчается из-за В = "А испытывает такое пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, которое обычно каузируется у среднего человека *i* следующей его оценкой некоторого события *j*: 1) *i* уверен в осуществлении события *j*; 2) *j* нежелательно для *i*; указанное состояние каузируется у А указанной оценкой со стороны А события В" [3; с. 7].

В последующих работах А. Вежбицкой и Л.Н. Иорданской, а также других авторов, принявших смысловой подход, эти и другие подобные толкования были усовершенствованы, но принцип сведения к прототипу сохранился. Ср. следующие более поздние толкования (английский текст заменен соответствующим русским):

Afraid "бояться"

Х чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

может произойти что-то плохое

я не хочу этого

я не знаю, что я могу сделать

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

Х чувствует это [7, с. 363—364]

БОЯТЬСЯ 1.1.а *Х боится* У-а =

Ассерция

Оценка

"Х ожидает, что У каузирует нечто нежелательное для Х-а или

Эмоция

Х находится или у него есть свойство быть в неприятном эмоциональном состоянии по отношению к У-у,

Характеристика

причина

которое каузировано упомянутым ожиданием Х-а,

прототипич условия

причем это состояние такое, какое обычно бывает при ожидании чего-то опасного,

Следствие

причем это ожидание и/или состояние каузирует Х-а стремиться избегать У-а" [13, с. 335]

Принцип сведения к прототипу и сейчас представляется нам в высшей степени ценным, но его одного недостаточно для полного и адекватного лексикографического представления эмоциональной лексики.

Во-первых, нуждается в дальнейшей спецификации качество самой эмоции ("feeling something good" и "feeling something bad" у А. Вежбицкой, "положительное (приятное) состояние" и "отрицательное (неприятное) состояние" у Л.Н. Иорданской, а затем у Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука). По существу, различия в состояниях души, как они описаны в приведенных толкованиях, сводятся к различиям в причинах, которые их вызывают. Можно, однако, предполагать (и такое предположение высказывается В.Ю. Апресян в подготовленной к печати работе "Fear: Russian and English"), что состояния души даже в случае таких близких по прототипу эмоций, как *страх* и *опасение*, — разные. Равным образом различаются отрицательные чувства в случае *горя* и *скорби*, тоже практически совпадающих по прототипу: оба в качестве нормальной причины предполагают большую утрату.

Во-вторых, хотелось бы найти такие семантические представления эмоций, которые позволили бы дать принципиальное (семантически мотивированное) объяснение "симптоматической" лексики. Это — выражения типа *похолодеть от страха*, *покраснеть от стыда*, *задохнуться от возмущения*, впервые глубоко и тонко проанализированные в работах [4, 11]; см. также [12].

1.2. Метафорический подход.

Дж. Лаков и М. Джонсон в [5, с. 57—58] отмечают, что языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-то. Поэтому наиболее адекватным лингвистическим описанием эмоций авторы считают описание через метафоры, в которых эти эмоции концептуализуются в языке. Например, эмоции *счастье* (HAPPY) и *грусть* (SAD) в английском языке метафорически противопоставлены как ВЕРХ и НИЗ. Этой метафоре дается, с одной стороны, физическая мотивировка — человек поднимает голову, когда радуется, и опускает, когда грустит. С другой стороны, предлагается языковая мотивировка: данная метафора является частным случаем метафоры вида ХОРОШЕЕ — ВЕРХ, ПЛОХОЕ — НИЗ. Таким образом, у Дж. Лакова и М. Джонсона описание строится в виде иерархий метафор, в которых метафоры низшего порядка наследуют структуру метафор — “предков”. Ср. аналогичный подход к описанию эмоций в [18].

Безусловное достоинство этого подхода состоит в том, что он дает возможность отразить внутреннюю семантическую компаративность слов, обозначающих эмоции, и ввести в описание, помимо самих этих слов, большие группы связанных с ними метафорических выражений.

Недостаток состоит в том, что метафора принимается за конечный продукт лингвистического анализа, и собственно семантическая мотивация того, почему та или иная метафора ассоциируется с определенной эмоцией, отсутствует. Между физической мотивацией и самой метафорой отсутствует языковое, семантическое звено.

Кроме того, специфичность метафор, относящихся именно к эмоциям (в основном к “симптоматической” лексике), не получает никакого объяснения.

Наконец, некоторые метафорические сближения кажутся продиктованными не столько устоявшейся языковой практикой, сколько единичными употреблениями. Например, на основании таких окказиональных и периферийных высказываний о характере любовных отношений, как *Мы на перекрестке*, *Мы зашли слишком далеко*, *Ты торопишь события*, *Ты едешь по скоростной полосе на автострасе любви* (последний пример заимствован из неопубликованной работы Дж. Лакова) Дж. Лаков предлагает для любви образ путешествия. Более точно, он представляет любовь в виде средства передвижения, в котором влюбленные движутся к своей общей цели. Очевидно, что с таким же успехом путешествию или средству передвижения могут быть уподоблены многие другие виды человеческой деятельности (споры, переговоры, решения, критика, похвалы и т.п.), так что ценность этой метафоры как описания именно любви уменьшается.

Интересные идеи на ту же тему были выдвинуты В.А. Успенским, рассмотревшим в [9] поведение абстрактных существительных *авторитет*, *страх*, *горе* и *радость* в составе метафорических выражений типа *прочный авторитет*, *хрупкий авторитет*, *дутый авторитет*, *Авторитет лопнул*, и т.п.; *Страх нападает на человека*, *охватывает его*, *душит*, *парализует*, *бороться со страхом*, *победить в себе страх* и т.п.; *глубокое горе*, *тяжелое горе*, *испытать горя*, *хлебнуть горя*, *Горе обрушивается на человека*, *давит его*, *Человек придавлен горем* и т.п.; *Радость разливается в человека*, *бурлит*, *играет*, *искрится*, *переплескивается через край* и т.п.

В.А. Успенского интересовало, стоят ли за подобными словосочетаниями единые мотивирующие их образы, способные служить основой для “считывания” с них новых метафорических выражений с данным ключевым словом. На этот вопрос он отвечает положительно. Авторитет, с его точки зрения, мыслится в русском языке как “сплошной шар, в хорошем случае большой и тяжелый, в плохом — маленький и легкий. Ложный авторитет — полый внутри, с настолько тонкими стенками, что может лопнуть” [19, с. 145]. “...страх можно мыслить в виде некоего враждебного существа, подобного гигантскому членистоногому или

спириту, снабженному жалом с парализующим веществом" [9, с. 146]. "Горе — это тяжелая жидкость", заполняющая "некоторый бассейн, на дне которого находится человек" [9, с. 147]. Наконец, радость — "это легкая светлая жидкость", "по-видимому, она легче воздуха" [9, с. 147].

Мысль о том, что следует искать мотивирующие образы для больных классов симптоматических и других метафорических выражений, представляется нам в высшей степени плодотворной. Нам хотелось бы, однако, связать такое метафорическое описание с собственно смысловым, как это было предложено в уже упоминавшейся работе В.Ю. Апресян, а с другой стороны, найти независимые свидетельства в пользу предлагаемых для эмоций метафорических прообразов. В противном случае они могут выглядеть произвольными.

Действительно, заключение о том, что *авторитет* концептуализуется в русском языке как полый шар, сделано, в сущности, на том основании, что он может *лопнуть* и быть *дутым*. Но, во-первых, *лопаться* и быть *дутыми* могут быть не только шарообразные физические предметы; ср.: *Банка < веревка, струна, шина, перчатка > лопнула, Стекло лопнуло; дутая трубка, устар. дутый пирог*. Следовательно, сочетаемость с *дутый* и *лопнуть* не является достаточным основанием для утверждения, что *авторитет* мыслится в виде шара. Во-вторых, быть *дутыми* и *лопнуть* в переносном смысле могут, например, *судебное дело, обвинение, план, репутация*; ср. также *дутые цифры, дутый отчет, Фирма лопнула, Затея лопнула* и т.п. Если считать это достаточным основанием для вывода, что соответствующие объекты тоже концептуализуются носителями русского языка как полые шары, общая картина получится чересчур непоследовательной и неспецифичной для ключевых слов².

2. ТОЛКОВАНИЕ ЭМОЦИЙ

2.1. Сценарий возникновения и развития эмоций.

Как легко заметить, приведенные в 1.1 толкования структурированы. В них выделяются следующие три части: причина эмоции (интеллектуальная оценка какого-то положения вещей), собственно эмоция и ее следствия. Аналогичные, хотя и несколько иначе структурированные компоненты выделяются в [10] и в работах ряда других авторов.

Мы бы хотели дополнить этот сценарий несколькими новыми деталями. Их необходимость диктуется некоторыми общими соображениями о системах, из функционирования и взаимодействия которых складывается поведение человека, во всяком случае в "наивной" картине мира, которая и является предметом нашего описания. Для каждой системы мы укажем орган или органы, в которых она размещена, и семантический примитив, описывающий элементарную форму ее деятельности.

Развивая идеи, изложенные в [15] и [22], мы будем считать, что таких систем семь: 1) восприятие (органы тела, "воспринимать"; роль восприятия в возникновении ряда эмоций отмечена в [23]); 2) физиология (тело в целом, "ощущать"); 3) моторика (части тела, "делать"); 4) желания (воля, "хотеть"); 5) интеллект (ум, "думать о"); 6) эмоции (душа, "чувствовать"); 7) речь (язык, "говорить")³. Некоторые системы обслуживаются одним и тем же органом — ср.

² Иллюстрацией того, насколько рискованными могут быть заключения о мотивирующем образе, сделанные путем простой расшифровки языковой метафоры, является работа [21]. Автор предлагает для слова *время* следующие коннотации: 1 "жидкость" (*Время течет*); 2.1. "эластичная вещь" (*Время тянется*); 2.2 "ценная вещь", "эквивалент денег" (*выиграть время, тратить время*); 3 "живое существо" (*Время идет <терпит, ждет>, убивать время*); 3.1 "летающее существо" (*Время летит*); 3.2. "человек" (*Время покажет, Время торопит*). Очевидно, что такие интерпретации основаны на чересчур буквальном прочтении омертвевших метафор, давно утративших связь с первоначальным образом.

³ Место духа в этой модели пока неясно; несомненно, однако, что дух расположен над всеми другими системами, а не рядом с ними.

тело; у некоторых других систем есть, как будто, альтернативные органы — сердце и голову, душу и сердце.

Обратим внимание на одну особенность устройства этих семи систем. Они образуют не однородное множество, а последовательность, где каждая следующая система сложнее, чем предыдущая. Самой примитивной системой является восприятие. Оно объединяет человека со всей остальной живой природой. Самая сложная система — речь. Она отличает человека от всей остальной живой природы.

Весьма сложной системой являются и эмоции. Во-первых, за исключением некоторых фундаментальных эмоций типа страха, ярости, удовольствия⁴, они свойственны исключительно человеку. Во-вторых, почти всякое эмоциональное переживание активирует все другие системы человека.

Действительно, чтобы испытать, например, *страх*, человек должен (1) воспринять или хотя бы умственно представить некоторое положение вещей — и (2) оценить его как опасное для себя или каких-то других объектов, находящихся в его личной сфере. Результатом этого является собственно эмоция — (3) неприятное чувство, вызванное (1) или (2). Это чувство может проявляться (4) в неподконтрольных субъекту физиологических реакциях его тела (бледность, дрожь и т.п.) и/или (5) в желаниях (например, в желании спрятаться, сжаться и т.п.), которые могут в свою очередь влечь за собой контролируемые субъектом (6) моторную активность или (7) речевую деятельность.

Этот сценарий возникновения и развития эмоций является одним из факторов, определяющих структуру из толкования.

2. Симптоматические выражения: телесная метафора состояний души.

Другой фактор, определяющий структуру и состав толкования эмоций, — чисто языковой. Это — симптоматические выражения двух типов. К первому относятся выражения, описывающие физиологическую, непосредственно наблюдаемую реакцию человека⁵ на страх: *белеть* <бледнеть> от страха, *дрожать* <трястись> от страха, *сжаться* от страха, *цепенеть* <застывать, не мочь даже пальцем пошевелить> от страха, *онеметь* от страха, *Язык заплетается от страха*, *Зубы стучат от страха*, *Голос дрожит* <прерывается> от страха, *Мурашки пробегают по телу* <спине, коже> от страха, *Дрожь пробегает по телу* <по спине, по коже> от страха и некот. др.; см. [11], откуда заимствовано подавляющее большинство этих выражений. Ко второму относятся метафорические выражения, отражающие не реально наблюдаемые эффекты, а концептуализацию страха говорящими: *каменеть* <столбенеть> от страха, *Страх сковывает* <парализует> кого-л., *Страх пронизал его душу*, *Страх леденит кровь кому-л.*, *Кровь стынет* <леденеет> в жилах от страха и т.п. Есть и такие выражения, которые образуют промежуточное звено между двумя группами и с равным успехом могут классифицироваться как буквальные или метафорические; ср. *холодеть от страха*.

Анализ этого материала приводит к следующему заключению: реакция души на страх очень сходна с реакцией тела на холод. Действительно, почти все "симптоматические" глаголы, описывающие физические проявления страха, используются и для описания эффектов холода; ср.: *Кончик ее носа*

⁴ Представление о составе фундаментальных (базовых, генетически обусловленных) эмоций меняется от работы к работе, но страх, ярость и удовольствие выделяются в качестве базовых в большинстве работ.

⁵ В силу известного свойства антропоцентричности в языке отражается в основном симптоматика эмоций, присущая человеку. Выражения типа *Собака поджала хвост от страха* <ощетинилась от ярости>, *Кошка зашипела от злости* <мурлыкала от удовольствия> немногочисленны и далеко не так разнообразны, как симптоматические выражения, характеризующие проявления эмоций у человека.

побелел от холода, дрожать <трястись> от холода, сжаться от холода, цепенеть <стыть, не мочь даже пальцем пошевелить> от холода, Руки онемели от холода, Зубы стучат от холода, Дрожь пробегает по телу <по спине, по коже> от холода.

Сходство страха и холода простирается и на область метафоры. Эффекты этих двух состояний метафоризируются в одних и тех же выражениях; ср.: Холод сковал все его члены, Холод парализует, Кровь стывает в жилах от холода, Холод пронизал его тело.

Возникает вопрос: является ли такое совпадение сочетаемости у слов со значением психологического и физического состояний (т.е. состояний души и тела) случайным или это проявление какой-то общей закономерности? Некоторые факты указывают на то, что верно второе.

Приведем примеры других эмоций, которые концептуализуются в языке так же, как физические состояния.

Отвращение: поморщиться <сморщиться, скривиться> от отвращения, сделать гримасу отвращения, передернуться от отвращения, тошнит от отвращения, плевать от отвращения и т.п. Легко заметить, что физиологическая реакция человека на отвращение совпадает с его реакцией на очень неприятный (например, кислый или горький) вкус. Не станем приводить очевидных примеров.

Жалость: Жалость кольнула <пронзает, щемит>, острая жалость; ср. сочетания Боль кольнула, Боль пронзает, В груди щемило <о физической боли>, острая боль. Близость эмоции и физического ощущения настолько велика, что жалость часто воспринимается как боль, а слово боль развивает значение "жалость"; ср.; щемящее чувство жалости, Сердце разрывалось от жалости, В "Известиях" <...> была опубликована серия очерков об этих изгнанниках — боль за них, сострадание к ним — это был главный и единственный мотив "Парижских дневников" (Независимая газета, 1992, 23 июня), Мне просто до боли жалко людей, которые не видят в жизни хорошего (М. Горький).

Большая группа эмоций (в частности, страсть, ярость, гнев) ассоциируется с болезнью или жаром. Бывает горячка страсти, лихорадка страсти. От страсти сохнут <сгорают>, Страстью горят <пылают>, Страсть остужают, Страсть остывает, От гнева <ярости> закипают <кипят>, От гнева <ярости> горят глаза, Ярость клокочет в ком-то.

Ср. также отмеченную В.А. Успенским концептуализацию горя как тяжести, засвидетельствованную симптоматикой (Человек согнулся от горя) и словосочетаниями типа Горе давит <придавливает> кого-л., Горе обрушивается на кого-л. и т.п., см. выше.

Рассмотренный материал можно обобщить следующим образом:

1) Предложенные для эмоций телесные аналоги (страх — холод, отвращение — неприятный вкус, жалость — физическая боль, страсть — жар и т.п.) представляются более мотивированными, менее случайными, чем те, что предлагались ранее (любовь — путешествие, радость — легкая жидкость, страх — спрут и т.п.). Они позволяют объяснить существенно больший круг симптоматических и иных словосочетаний, включая метафорические.

Более того, подобно всякой другой продуктивной модели, например, модели словообразования, они обладают и предсказательной силой. Очевидно, например, что такие не встречающиеся в узусе выражения, как Его знобило от страха и Ему стало жарко от гнева, будут с большей готовностью приняты и с большей легкостью проинтерпретированы, чем выражения "Его знобило от гнева" и "Ему стало жарко от страха. Дело в том, что два первых выражения эксплуатируют правильные образы, опирающиеся на массовое языковое сознание, а вторые два — неправильные, за которыми не стоит ничего, кроме, быть может, личного опыта конкретного человека (ср. у В. Набокова в "Даре": Когда же он сердился, гнев его был как внезапно ударивший мороз; впрочем, здесь речь идет не о внутренних ощущениях человека, а о действии его эмоции на окружающих).

2) Образы "любовь — путешествие", "радость — легкая жидкость", "страх — спрут" как возможные претенденты на место в толковании вызывают сомнение еще и потому, что относятся к чересчур различным областям природы и деятельности человека. Они не складываются ни в какую единую картину.

Предложенные в данной работе образы выстраиваются в более последовательную систему концептуализации эмоций в языке. В основе этой системы лежит единый принцип уподобления того, что недоступно прямому наблюдению (реакции души) тому, что может наблюдаться более непосредственно (реакции тела). Реакция тела, пусть в ограниченном числе случаев, оказываются ключом к тому, что происходит в душе человека.

3) Указанные мотивирующие образы составляют настолько весомую часть языкового сознания говорящих, что в какой-то форме они должны быть введены в толкования соответствующих эмоций.

2.3. Структура толкований.

В этом разделе нам предстоит обсудить две проблемы, связанные со структурой толкования: о месте метафоры в толковании и о логическом строении прототипической части толкования.

Прежде всего, мы предлагаем ввести в состав толкований сравнения типа "душа человека при эмоции X чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда оно находится под действием физического фактора Y или в физическом состоянии Y".

"Телесную метафору души" следует включать в толкования лишь тех эмоций, для которых ее можно подтвердить достаточно представительным и последовательно организованным материалом. Существуют большие классы эмоций с ярко выраженной симптоматикой, для которых нет никаких аналогов в области физических явлений. Таково, например, *удивление* и родственные ему эмоции; ср.: *широко открыть глаза от удивления, выпучить глаза от удивления* (нельзя назвать такого физического явления, которое заставляет человека широко открывать глаза). Ясно, что различие между *удивлением* и, например, *страхом* не надо нивелировать подгонкой *удивления* под общую схему толкования.

По нашим наблюдениям, метафору M разумно включать в толкование эмоции A, если удовлетворяется хотя бы одно из следующих двух условий: а) по данному симптоматическому выражению, используемому и для описания реакции души, и для описания реакции тела, единственным образом реконструируется тип эмоции; ср.: *У него зубы стучат, Он похолодел* (эмоция типа страха); б) имеется метафорическое выражение, которое само по себе, даже в отсутствие названия эмоции, способно ее обозначать; ср.: *Он по ней сохнет* (эмоция типа любви).

Тезис о том, что в лексикографические описания слов можно и нужно вводить метафору, не нов. Имеются большие классы выражений, которые иначе, как метафорически, описать нельзя. Таковы, как известно, выражения, описывающие изменение времени. Труднее решить вопрос о том, как распределить различные типы метафор между различными частями лексикографического описания слова.

Мы не можем предложить сейчас общего решения этого вопроса. Заметим, однако, что в силу сформулированного выше принципа случайную метафору типа "радость — легкая жидкость", "горе — тяжелая жидкость" и т.п. не следует включать в толкование. Лингвистический статус такой метафоры не может превышать статуса коннотации, хотя и этот статус следует приписывать лексеме с очень большой осторожностью (см. примеч. 2). По-видимому, даже для установления коннотации недостаточно наличия в языке одного устойчивого словосочетания, одного деривата, одного переносного значения, в котором гипотетическая коннотация какой-то лексемы предстает как элемент лексического значения. Требуется хотя бы несколько согласованных по одному и тому же признаку фактов такого рода.

Перейдем к вопросу о логическом строении прототипической части толкований.

Как известно, вхождением толкования предикатных лексем в работах Московской семантической школы служит пропозициональная форма вида $X P Y$, где P — толкуемая предикатная лексема, а X и Y — переменные, обозначающие участников соответствующей ситуации. По умолчанию предполагается, что эти переменные связаны квантором существования.

Прототипическая часть толкования устроена иначе. Она содержит ссылку на обобщений или по крайней мере обычный случай, т.е. на опыт многих людей, возникающий по конкретному поводу. Это значит, что в прототипической части толкования субъект эмоции должен быть связан квантором множественности ("многие люди", "обычный человек"), а причина эмоции — квантором единственности или определенности. Из этого в свою очередь следует, что для обозначения субъекта и причины эмоции в прототипической части необходимо использовать новые переменные, отличные от X и Y , а затем устанавливать соответствие между этими переменными, с одной стороны, и парой (X, Y) — с другой⁶.

Относительно строгое толкование, учитывающее все эти тонкости, могло бы иметь следующий вид: $X P Y$ — "такое-то чувство, вызванное у X -а Y -м; такое чувство бывает у обычного человека A , когда A воспринимает или представляет конкретный и определенный объект B , который он оценивает или ощущает как имеющий такое-то свойство; душа A чувствует нечто похожее на то, что ощущает его тело, когда A находится в таком-то физическом состоянии, и тело A реагирует на это, как оно реагирует на это физическое состояние; A -у, испытывающему такое чувство, хочется делать то-то и то-то; X в связи с Y -м испытывает то же, что испытывает A в связи с B ".

Ясно, что такие толкования, при всех их логических достоинствах, концептуально чересчур сложны для словаря. Между тем нашей целью является выработка лексикографически приемлемой схемы толкования эмоций. Поэтому в прототипической части толкования мы пользуемся менее строгими обозначениями. Однако при желании их нетрудно развернуть в формально безупречную нотацию.

Этой цели отвечает и совершенно естественная для лексикографа (и лингвиста вообще) установка на описание "наивной" (языковой, этнолингвистической) картины мира, в нашем случае — наивной картины эмоций; см. об этом выше, разд. 2.1.

2.4. Опыты толкования некоторых эмоций.

С учетом всего сказанного выше предлагаются следующие толкования упоминавшихся нами эмоций (в толковании *страха* мы существенным образом используем соображения, высказанные в [2, 11] и в еще не опубликованной работе В.Ю. Апресян "Синонимический ряд глагола бояться").

Страх X-а перед Y-м (Он испытывал страх перед будущим) = "неприятное чувство, вызванное у X -а Y -м; такое чувство бывает, когда кто-то воспринимает или представляет нечто, что он оценивает или ощущает как очень опасное для себя; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело, когда ему холодно; тело реагирует на это как на холод; тому, кто испытывает такое чувство, хочется стать незаметным; если ощущение опасности усиливается, он может потерять контроль над своим поведением и побежать или закричать".

Отвращение X-а к Y-у (Он испытывал отвращение к таким забавам) = "очень неприятное чувство, вызываемое у X -а Y -м; такое чувство бывает, когда человек воспринимает или представляет нечто крайне неприятное; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущают его телесные органы от горького или кислого вкуса, очень плохого запаха или прикосновения к грязной вещи, которая может его испачкать; тело человека реагирует на это как на горький или

⁶ В сущности, именно таким образом были устроены толкования в первой, самой ранней работе Л.Н. Иорданской; см. определение *огорчаться*, процитированное в разд. 1.1.

кислый вкус, очень плохой запах или соприкосновение с грязным; человеку, который испытывает такое чувство, хочется уйти в другое место или как-то иначе прервать контакт с неприятным объектом; ему трудно скрыть свое чувство, если он продолжает находиться в контакте с неприятным объектом или представлять его себе".

Жалость X-а к Y-у (Его жалость к больным была поистине беспредельной) = "чувство, нарушающее душевное равновесие X-а и вызванное у X-а У-м; такое чувство бывает у человека, когда он думает, что некто находится в плохом положении и что это положение хуже, чем он заслуживает; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему больно; тело человека реагирует на такое чувство как на боль; человеку, который испытывает такое чувство, хочется изменить положение другого существа так, чтобы оно стало менее плохим"¹.

Страсть X-а к Y-у (Его страсть к этой женщине толкала его на безумные поступки) = "очень сильное чувство, нарушающее душевный покой X-а и вызванное у X-а У-м; такое чувство бывает у человека, когда он ощущает непреодолимое плотское влечение к другому человеку; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда у него жар; такое чувство действует на душу человека, как болезнь действует на его тело; тело человека реагирует на такое чувство, как на жар; если такое чувство не удовлетворяется, человек очень страдает; такое чувство может лишать человека способности здраво мыслить и толкает его на необдуманные поступки".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Warszawa, 1969.
2. Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt, 1972.
3. Норданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1970. Вып. 13.
4. Норданская Л.Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. Вып. 16.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: London, 1980.
6. Wierzbicka A. Lingua Mentalis. The Semantics of natural language. Sydney; New York, etc, 1980.
7. Wierzbicka A. The semantics of emotions: fear and its relatives in English // Australian journal of linguistics. 1990. V. 10. No 2.
8. Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
9. Успенский В.А. О внешних коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. Вып. 11.
10. Записки Анна А. Семантика глагола бояться в русском языке // ИАН СЛЯ. 1983. № 1.
11. Норданская Л.Н. Словарные статьи бояться, восторг, восхищаться, гнев, страх и др. // Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
12. Rajdzińska A. Jak mówimy o uczuciach? Poprzez analizę frazeologizmów do językowego obrazu świata // Językowy obraz świata. Lublin, 1990.
13. Iordanskaja L., Mel'čuk I. Semantics of two emotion verbs in Russian: *bojatsja* "to be afraid" and *nadejatsja* "to hope" // Australian journal of linguistics. 1990. V. 10. No 2.
14. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction N.Y., 1991.
15. Апресян Ю.Д. О новом словаре синонимов русского языка // ИАН СЛЯ. 1992. № 1.
16. Ekman P. Expression and the nature of emotion // Approaches to emotion. N.Y., 1984.
17. Ortony A., Clore G.L., Collins A. The cognitive structure of emotions. Cambridge, 1988.
18. Kövecses Z. Emotion concepts. Frankfurt-am-Main, 1990.
19. Fries N. Emocje; Aspekty eksperymentalne i lingwistyczne // Wartościowanie w języku i tekście. Warszawa, 1992.
20. Oatley K. Best laid schemes: the psychology of emotion. Cambridge, 1992.
21. Перцова Н.Н. К понятию вещной коннотации // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
22. Апресян Ю. Systemic lexicography // Euralex'92. Proc. 1—11. Pt 1. Ser. A. V. 2. Tampere, 1992.
23. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988. С. 136.

¹ Независимо от авторов идея уподобления "страх—холод", "жалость—боль" была высказана Е.В. Урымсон в разработанных ею, но еще не опубликованных синонимических рядах *страх* и *жалость*.